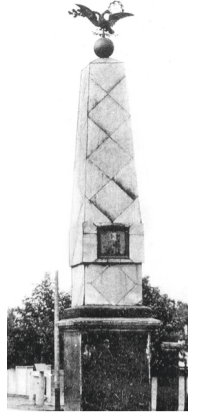

ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

г. Пермь, Сибирская ул.

Правда для правды, а не для красоты!
(Фёдор Достоевский)

ИМЕЕТСЯ ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: ДАННОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ (16+)

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Пермской краевой общественной организации Союза писателей России
при поддержке Министерства культуры Пермского края

№ 1 (39)
24 марта 2021 года

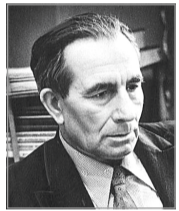
[литературные вести]

■ ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ: ЯНВАРЬ — ДЕКАБРЬ 2021 ГОДА

3 января — 140 лет со дня рождения Осипа Эмильевича МАНДЕЛЬШТАМА, известного советского поэта. В 1934 году он был в ссылке в Чердыни. Позже, уже в Воронеже, он написал стихи об Урале, о Каме, Чердыни.

3 января — 95 лет со дня рождения Ивана Алексеевича МИНИНА, коми-пермяцкого писателя, который был редактором Коми-Пермяцкого отделения Пермского книжного издательства.

4 января — 185 лет со дня основания Пермской краевой библиотеки имени А. М. Горького.

8 января — 80 лет со дня рождения Надежды Николаевны ГАШЕВОЙ, редактора художественной литературы, заслуженного работника культуры РФ (1981).

25 января исполнилось 85 лет Семёну Иегудовичу ВАКСМАНУ, талантливому журналисту, поэту, писателю.

4 февраля 50-летие отметил Максим Кузьмич ДУЛЕНЦОВ, писатель, член Союза писателей России (2020), кавалер ордена Достоевского II степени (2020).

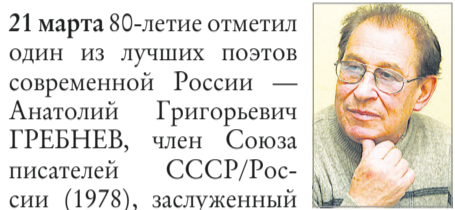

22 февраля — 80 лет со дня рождения Валерия Леонидовича ВОЗЖЕННИКОВА, русского поэта, члена Союза писателей России (1990).

7 марта — 105 лет со дня рождения Владимира Ивановича ВОРОБЬЁВА, автора «Капризки» и других произведений для детей.

18 марта — 85 лет со дня рождения Ивана Михайловича БАЙГУЛОВА, прозаика.

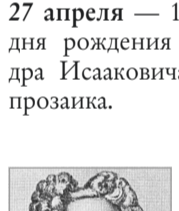
21 марта 80-летие отметил один из лучших поэтов современной России — Анатолий Григорьевич ГРЕБНЕВ, член Союза писателей СССР/России (1978), заслуженный работник культуры РФ, кавалер ордена Достоевского I степени (2011).

22 марта — 120 лет со дня рождения Клавдии Васильевны РОЖДЕСТВЕНСКОЙ, прозаика.

28 марта исполняется 60 лет известному пермскому писателю и краеведу Алексею Александровичу ДУБРОВИНУ, члену Союза писателей России (2011), кавалеру ордена Достоевского II, III степени (2017, 2014).

27 апреля — 110 лет со дня рождения Александра Исааковича ПАКА, прозаика.

29 апреля — 335 лет со дня рождения Василия Никитича ТАТИЩЕВА, основателя Перми, автора «Истории Российской».

27 мая исполняется 65 лет Валерию Викторовичу ВЯТКИНУ, известному пермскому писателю и краеведу.

18 июня 60-летие отмечает Олег Аронович ЧЕРНЯК, пермский прозаик. Член Союза писателей России (2018), кавалер ордена Достоевского III степени (2020), член Союза русскоязычных писателей Израиля (2018).

9 августа исполняется 60 лет Василию Анфимовичу КОЛБИНУ, известному исследователю, натуралисту, писателю. Член Союза писателей (2013).

10 августа — 75 лет со дня рождения Владимира Васильевича ВИНИЧЕНКО, журналиста, поэта, писателя, драматурга, члена Союза писателей (1986), кавалера ордена Достоевского II степени (2012).

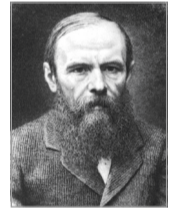
12 августа исполнится 50 лет Александру Валерьевичу ФУФЛЫГИНУ, писателю, прозаику, драматургу, члену Союза писателей России.

4 октября исполнится 70 лет известному пермскому краеведу и писателю Владимиру Фёдоровичу ГЛАДЫШЕВУ. Кавалер ордена Достоевского II степени (2011).

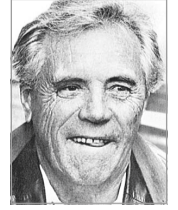
20 октября 60-летие отметит пермский поэт, прозаик, сценарист Алексей Васильевич МАЛЬЦЕВ. Член Союза писателей России (1999), кавалер ордена Достоевского II степени (2012). На его стихи написано немало песен.

3 ноября — 110 лет со дня рождения Бориса Степановича РЯБИНИНА. Писатель родился в городе Кунгуре, где его именем названа детская библиотека и проходят Рябининские чтения.

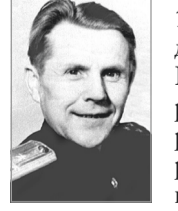

11 ноября — 195 лет со дня рождения Фёдора Михайловича ДОСТОЕВСКОГО. В 2011 году Союз писателей России совместно с Профсоюзом работников культуры учредил орден Достоевского, которым награждаются писатели, российские и иностранные граждане, внёсшие большой вклад в развитие русской литературы.

17 ноября — 120 лет со дня рождения Михаила Павловича ЛИХАЧЁВА, одного из основоположников коми-пермяцкой литературы. Его именем названа Коми-Пермяцкая центральная национальная библиотека.

29 ноября — 20 лет со дня смерти Виктора Петровича АСТАФЬЕВА, советского/русского писателя, начавшего свой творческий путь на земле Чусового и Перми, где проходят традиционные Астафьевские чтения.

19 декабря — 105 лет со дня рождения Николай Иванович БУКИНА, родившегося в селе Дуброво, ныне Еловского района Пермского края, поэта, журналиста, моряка — капитана I ранга, автора известной песни «Прощайте, скалистые горы».

■ СЛОВО РОССИИ

Фёдор ВОСТРИКОВ
Союз писателей России,
г. Пермь

А. ГРЕБНЕВУ

I
Говорю я без подколов:
Очень славный Богомолов,
Что хватило сил и воли
Книгу выпустить о Толе,
О котором знает свет —
Гребнев — истинный поэт!

II
Ну что ж, с рождением,
Гребнев Толя!
Сыграй нам песнь о камыше!
Твои стихи родны до боли —
В них Русь живёт, как Чистополье,
Как вальс Свиридовский в душе!

Валентина КОРОСТЕЛЁВА
Союз писателей России,
г. Железнодорожный,
Московская область

ОБА ВМЕСТЕ...
(с А. Гребневым)

Смутной зимнею порою,
У зевак не на виду, —
Сборник я его открою,
И пойду за ним, пойду...

Знаю, Толя мне поверит
(За спиной — не гладкий путь!)
Что московские терьеры
Норовят-таки куснуть,

Что Москва — совсем не сказка...
Он поймёт, как сам-большой,
Потому ль, что Толя — вятский,
Потому ли, что с душой.

Вняв словам не как придётся
(И своя судьба — не мёд!),
Он душевно улыбнётся,
Тихо за руку возьмёт,

Поведёт тропой древней
Через многие поля,
Где жива ещё деревня,
Вольно дышит мать-земля, —

Что спешат переиначить,
Сузить неба окоём...
Оба вместе мы поплачем,
По домам своим пойдём...

**«О ПРЕЖНЕЙ
ЗОЛОТОЙ ЖИЗНИ...»**

Это было давно, когда первые свои книжки начинал я читать на бабушкиной печке при свете керосиновой лампы. А через дорогу от бабкиной избы стояла колхозная конюшня. Главная, самая большая, была в селе. Но и эта — деревенская казалась нам, местной и приезжей малышне, огромной. Нас в неё взрослые не пускали — мало ли что, отвечай после. Да и нам самим страшновато было видеть, как выводимые из неё лошади взбрыкивали и норовили вырваться или куснуть коневода. А рядом — избушка куда поменьше, размерами с деревенские бани, стоящие по обе стороны в соседних огородах. Конюховка. Вот в ней совсем не страшно, но тоже интересно.

Из бревенчатых стен торчали длинные деревянные штыри, на которых висели дуги, хомуты и сбруя. Причём, развешанные не абы как, а подобранные и подогнанные для конкретных лошадей. Потому что таинственные слова на прибитых над ними фанерных табличках разгадывались почти сразу после первой недолгой заминки даже нами, малышами, едва выучившимися ещё до школы читать по складам: «Соло-вуш-ка», «Ро-маш-ка», «Зорь-ка»...

Или это я уже на стих сбился?..

Ну какой-то такой стих, если всё это про меня?!

*И был я, радуясь находке,
Счастливым самым из людей,
В пропахшей сбруей конюховке
Читая клички лошадей.*

*Сияли в сумраке прогорклом
Слова, как детские года:
Соловушка, Ромашка, Зорька,
Берёза, Иволга, Звезда.*

Нет, всё-таки это стихотворение! Про меня, да не моё. Анатолия Гребнева. А кто ж это? Может, он из тех старших ребят, которые нас в конюховку с собой брали — на ночной караул? Прокру, правда, немного было от такого, как я, караульщика. Ибо к пол-

ночи сладко засыпал на широкой лавке под хомутами, завернутый в старый ямщицкий тулуп, висевший за дверью. Шепча что-то в полусне, как детскую считалку.

Сколько мы их назубок с измалетства знали!

*И «Аты-баты! Шли солдаты,
Аты-баты! На базар.
Аты-баты! Что купили?
Аты-баты! Самовар!..»*

*И «На золотом крыльце сидели:
Царь, царевич, король, королевич,
Сапожник, портной —
Кто ты такой?..»*

Но это была не считалка, не дразнилка, это были даже уже и не клички лошадей, а русские слова, вроде, давно знакомые, но именно здесь — в этой конюховке обретшие в моей детской душе свой глубинный смысл.

*Смысл этих слов первоначальный
Вдруг оживёт во мне — и вот,
Вот где-то иволга печально,
Почти что плача, запоёт.*

*И целый мир, роняя слёзы,
Поймёт ту песню, и тогда
Над соловьиною берёзой,
Дрожа, проклюнется звезда...*

Потому при первом прочтении этих строк невольно пронзило меня ощущение: автор — давно знаком мне, это один из тех старших деревенских ребят, с которыми мы вместе и конюшню ночью от воров и пожара караулили, и в покос сено свежекошенное волокушами на лошадей возили, а в ночном и самах коней в Вятке купали. И я, уже отнюдь не наивный и простодушный малыш, а человек, тертый и битый жизнью, понимал, почему сказанное, словно про меня и для меня, незнакомым мне поэтом Анатолием Гребневым, стало мне таким родным и близким.

Сейчас уже не вспомню точно, где я впервые прочёл или услышал это стихотворение, датируемое автором

1978 годом, но кажется (а с годами всё сильнее и неоспоримее), что оно было со мной всегда.

*И где я,
Что я,
Что за сила
Меня взяла и вознесла,
И душу вечную России
В слезах почувствовать дала.
Россия!
Радостно и горько
Мне этим чувством жить всегда.
Соловушка, Ромашка, Зорька,
Берёза, Иволга, Звезда.*

Стихотворение словно продолжилось в моей жизни. В первый же день нашего знакомства с его автором, всё то, что всколыхнуло оно во мне, я пересказал Анатолию Григорьевичу.

И мы враз начали вспоминать своё родное, далёкое, деревенское, повторяя наперебой «А у нас тогда вот так было...»

И так же разом вдруг почувствовали себя давно знакомыми и близкими, сразу естественно без всякой неловкости перейдя на «ты».

Стихотворение «Берёза. Иволга. «Звезда» познакомило меня сначала заочно с поэтом Анатолием Гребневым, а затем оно же помогло уже нам обоим понять нечто общее и родственное друг в друге и стать друзьями на всю оставшуюся жизнь.

Я не раз признавался Толе, что в трудные моменты, в тоске или в больнице, нередко твержу эти его строки вместе с молитвой, как наговор на исцеление телесное и душевное: «Соловушка, Ромашка, Зорька, Берёза, Иволга, Звезда...» Тогда Анатолий подарил мне свою всего лишь вторую книжку «Родословная», написав на ней: «Дорогому Валерию Фокину — поэту и земляку на дружбу. Счастья и удачи! Сердечно — Анатолий Гребнев».

Но вместе со словами благодарности высказал я ему напрямую, как между нами уже повелось, и своё сожаление: «Толя, дорогой, тут же нет моего любимого...» «Жди!» — сурово, но многообещающе ответил даритель. И

я дождался. В 1985-м в Перми вышла в свет уже шестая книга поэта. Но какая! Она и называлась так — по любимому мной его стихотворению «Береза. Иволга. Звезда». И поскольку за эти годы предсказанной Анатолием нашей дружбы мы уже испытали её на прочность разными обстоятельствами, то и автограф не только свидетельствовал об этом, но и закреплял наш братский союз: «Дай Бог нам ещё пожить, любя Вятку, поэзию и женщин!» Главное, что нас накрепко объединило, было кратко обобщено и сформулировано.

... Жития писать не умею. А вспомнить мог бы ещё многое. Но то, что знаю только я, не стоит всё тащить сейчас, в канун славного юбилея нашего героя, на свет божий, а то, что знают многие, кто-то из них и вспомнит.

... А мне время завершить свои воспоминания о «прежней золотой жизни» словами Анатолия из подписи на ещё одной подаренной мне его книге «Берег родины»:

«Дорогой Валера! Спасибо за то, что ты есть, спасибо за стихи — храни тебя Господь! Обнимаю сердечно...»

Заменяю обращение на «Дорогой юбиляр!» и переадресую их, точнее, бережно передаю, как наполненную до краёв стопку в нашем дружеском праздничном застолье, своему старшему брату по жизни и поэзии, по нашей неиссякаемой с годами общей любви к родной Вятке Анатолию Григорьевичу Гребневу.

*Словно землю — свет луны,
Вновь меня переполняет
Чувство отчей стороны.
Как весенняя трава,
Корневым чутьём жива, —
Снова я, вострянув, слышу
Родниковые слова!*

**Валерий ФОКИН,
поэт, г. Вятка**

*Публикуется с сокращениями.
Полная версия в альманахе
«Литературная Пермь» № 28, 2021.*

ЮБИЛЯР ИЗ ДЕСАНТА

В марте этого года исполняется 80 лет поэту Анатолию Гребневу.

Перед вами уникальный фотокадр: писательский десант во время Дней пермской литературы в Красновишерске, конец 1970-х.

Наш кудрявый юбиляр здесь — самый молодой, запечатлён сидящим на корточках, словно на старте, рядом с Алексеем Домнинным. А за ними — славные Олег Селянкин, Николай

Домовитов, Лев Кузьмин, Иван Зырянов... А Гребнев и сегодня — всегда на старте в творчество.

Новых поэтических озарений Вам, Анатолий Григорьевич!

ПЕРМЯКИ.

Перепечатка материала из газеты «Пермяки», № 21, январь 2021 г.

Виталий БОГОМОЛОВ
Союз писателей России,
г. Пермь

НА БЕРЕГУ ПУСТОМ

Анатолию Гребневу, большому Поэту, дорогому для меня человеку, другу — 80 лет.

В книге о нём «Вон парнишка бежит босиком», изданной в 2011 году, я писал, что Гребнев — последний поэт деревни. В том смысле, что с такой всеохватной глубиной и силой, с такой болью о деревенском мире, крестьянской цивилизации, которые и явили этого поэта, сегодня уже никто не пишет, и мир этот, погибший, повторяю, уже не в состоянии дать нового подобного певца. Причём, гибель, распад Крестьянского космоса не просто зафиксированы, запечатлены в поэзии Гребнева, но оплодотворены личной темой, личным участием и отношением масштабного таланта поэта.

В его, считаю, главном стихотворении «На берегу пустом» сказано:

*Глаза свои смежу и в отблесках зари
Увижу, как идут, идут косою цепью,
По грядь в траве идут в раскачку косари.*

В контексте стиха — это потрясающая воображение поэтическая картина, равная большому батальному полотну. Ведь идёт, шла, запечатлена на этом полотне битва за жизнь, которая Крестьянским миром, увы, проиграна, по причине подлого предательства... Проиграна в силу того, что государство после катастрофы 1917 года оказалось для крестьянства страшнее татаро-монгольского ига для Руси и всех войн, вместе взятых за последние лет, может быть, пятьсот. Этого злого и невиданно преступного отношения родного государства к своему народу — народ не вынес: подорван оказался потенциал, и Берег опустел.

Опустел закономерно.

Рассыпался Крестьянский мир, как рассыпается с годами крестьянская изба, хозяйство, брошенное сыном, промотавшим огромное наследство отца, добытое в поте лица тяжким, долгим и упорным трудом родителя.

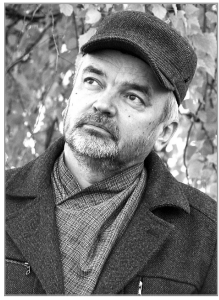
Памятью души вот чем написано это стихотворение.

Памятью самой верной, безошибочной.

* * *

В книгах Гребнева мы найдём немало образцов подлинно высокой гражданской поэзии, гордости за свою историю, за достойных сынов и дочерей Отечества (Пушкин, Есенин, Ахматова, Заболоцкий, Распутин, Кручин и другие). Его поэзия — богатый и широкий диапазон душевных проявлений человека в разных

Алексей МАЛЫЦЕВ
Союз писателей России,
г. Пермь

МАЛЫЦЕВ, БЕГУЩИЙ ПО ЖЁЛТОМУ ПОЛЮ...

К юбилею Анатолия Гребнева

Если можно так выразиться, Анатолий Григорьевич Гребнев первым бросил мне мостик в пермскую поэзию.

Случилось это в далёком 1986 году, в разгар перестройки, когда мне «на месте не сиделось» — страсть как хотелось поэтических приключений. В арсенале было достаточно виршей, чтобы заявить о себе во весь голос, и я решил, что имею право написать письмо лично Поэту. Как коллега коллеге. Ведь мы оба доктора.

В это трудно поверить, но Поэт и Коллега ответил, и даже сказал несколько обнадёживающих слов о моём творчестве. Так я оказался в литературном кружке при Пермском Союзе писателей СССР, которым руководил тогда Иван Захарович Лепин. Сам Анатолий Григорьевич руководил литературным объединением, попасть в которое в те годы мечтал каждый литкружковец. Но — выше головы, как говорится, не прыгнешь.

Помню, неповторимое воздействие на меня произвели в те годы строчки Анатолия Григорьевича:

*И звон прошёл по заводям и рекам,
И вмерзло в лёд рыбацкое весло...
Оранжевые лиственницы снегом,
Покровским снегом за ночь занесло.*

Мне так они полюбились — цитировал их направо и налево, забыв при этом, что это лишь часть целого

стихотворения, есть и продолжение:

*И стало так торжественно и пусто
В больничном белом замершем саду.
И я по хрусткой тропочке с дежурства
В халате белом медленно иду.*

*Мне хорошо, светясь, душа стремится
На звон и свет начавшегося дня.
Ещё ты пишешь письма, и в больнице
Ещё никто не умер у меня.*

Мироощущение выпускника мединститута, оказавшегося по распределению в сельской глубинке, достоверно, до мелочей передано в стихотворении Гребнева «Участковая больница»:

*Участковая больница,
Синь-леса, поля-пески...
Здесь ты думал удавиться
От безлюдья и тоски.*

*Но за дни врачебных буден
И за ночи — напролёт
Ты узнал, что есть тут люди
Да какой еще народ!*

В безвременье 1990-х мне посчастливилось перейти в литобъединение. Там скрещивались ещё те копы: Николай Бурашников, Александр Кузьмин, Юрий Калашников, Елена Медведева, Вера Шилова, Владимир Котельников — никто не хотел попасть ни под чьё влияние. Каждый был Личностью, всем казалось, что именно в ЛИТО бьётся поэтическое сердце Прикамья...

Так оно, собственно, и было.

Совладать с таким количеством гениев, оказавшихся под одной крышей, было непросто, но Анатолию Григорьевичу это как-то удавалось. Мастер руководил мудро и ненавязчиво.

Бывало, занятие прерывалось телефонным звонком, и Поэт неожиданно превращался в Доктора, консультируя «в трубку» очередного больного или давая сугубо клинический совет какому-нибудь своему нерадивому коллеге. Что такова стезя Врача и Поэта, я знал в те годы как никто другой.

Когда много лет спустя я взялся писать психологический триллер «Шиза», мне самому потребовалась консультация Анатолия Гребнева. Как психиатра.

Помню, зимой 2016 года приехал в Байболовку.

Поразился непривычному быту Поэта, тишине и неторопливому течению жизни российской глубинки. Казалось, рифмы, метафоры и образы поджидают нас там в самых необычных местах.

Жаль, что разговор с Поэтом и Коллегой шёл не о них, а о разновидностях шизофрении, галлюцинациях и современных методах их лечения.

Отмечу, что в творчестве самого Анатолия Григорьевича я никогда не встречал психиатрической тематики. Видимо, вдохновение черпалось из другого: чистых родников малой родины, любви к женщине, необъятных российских просторов.

Когда роман был напечатан в Москве, одним из первых с ним ознакомился, понятное дело, Анатолий Григорьевич. И похвалил. Чем я очень дорожу.

Поэту, Коллеге и Учителю я посвятил стихотворение:

*Как мало, Господи, таких,
Кто знает цену хлеба, слова...
Кто вкладывает в каждый стих
Всю хрупкость бытия земного.*

*Кто читит и сердцем, и строкой
Печаль забытых колоколен,
Простора русского покоя...
Кто до сих пор деревней болен.*

От души поздравляю Анатолия Григорьевича с Юбилеем.

Пусть никогда в душе не померкнет образ кудрявого мальчика, что бежит босиком по жёлтому полю, которому тысячи лет...

состояниях и возрастах, его отклик на жизнь: и ребёнка, и мальчика, и студента, и зрелого мужа; и жителя деревни и ушедшего из неё человека, влившегося в прослойку городской интеллигенции.

Алексей Решетов — мастер преимущественно короткого стиха — о стихотворении Гребнева «Метельный вальс» сказал так: «Надо же, такое длинное стихотворение — и ни одного лишнего слова! — И пошутил: — Если б я полетел в космос, взял бы это стихотворение».

Действительно, это потрясающая поэзия, пронзительной силы и глубины, такой выплеск души, что читаешь — и мороз по коже.

*И мы покайно итожим
Всё то, что ушло навсегда:
Мы даже заплакать не можем,
Как в юные наши года...*

А в середине 1990-х, Решетов, поздравляя Анатолия с Новым годом, написал в открытке такие слова:

«Толя, спасибо тебе, что ты и в жизни, и в стихах любишь людей!»
Любишь людей! Хорошо-то как!

Василий Белов в 1992 году по дороге из Москвы в Вологду читал подаренную ему Гребневым книгу стихов «Храм» и после прислал автору такую «рецензию» на неё:

*От Степанова до Крылатского,
То с улыбкой, то с тихой болью,*

*Соловел я от слова вятского,
Послухмянного Анатолю.*

*Прочитал наизусть, что было,
Жаль, до Вологды не хватило.*

«Послухмянного» — какое удивительное слово употребил Василий Иванович, то есть послушного, доступного Анатолию, подвластного ему, уловленного им.

А с какой силой выразил поэт Гребнев детскую чистоту и невинность, тоску по их безвозвратной утрате. В стихах разного творческого периода Анатолия мы встретим образ мальчика, бегущего полем.

*Не в те ль времена Святослава
В моём древнерусском краю
Я вижу, как мальчик кудрявый
Бежит босиком по жнивью.*

*Бескрайней подхваченный волей,
Держа в узелочке обед,
Бежит он по жёлтому полю,
Которому тысячи лет...*

По сути-то, этот пронзительный образ мальчика «пробегает» через всё творчество поэта, через всё историческое поле России со времён Святослава, через Бородинское поле; мальчика, теряющего своего отца в цепи бесконечных и жестоких войн. В стихотворении «На берегу пустом» глазами этого мальчика, тоже пребывающего в тот миг на поле — на пашне, воспринимается следующая картинка:

*А ближе подойди —
расслышал бы сейчас я,
О чём на пашне дед беседует с отцом.*

*Он только что с войны.
Он был убит под Ржевом...*

Конечно, тут можно вспомнить строчку «Я убит подо Ржевом...» А. Твардовского. Но вспоминается она в добром контексте преемственности, потому что у Анатолия Гребнева эта тема решена по-своему.

Образом мальчика светлого, выбежавшего из страшного сорок первого военного года, прямо или косвенно (ассоциативно) освещается каждое стихотворение Гребнева. Мальчик, бегущий полем, историческим полем России, — невероятно удачный образ, это поэтическое открытие Анатолия Гребнева. Поэт восходит до библейского понимания детства во всей жизни человека.

*Это я — на заре бытия —
Мне понятны и глубь, и высь,
Птичий щебет и пенье ручья,
Трав и листьев зелёные мысли.*

*За привычным и зрелым трудом
И за поиском призрачных истин
Мне всю жизнь будут сниться потом
Этот луг, это солнце и листья...*

Между двумя строками — умещается целый мир, легко угадываемый.

И ещё один очень значимый образ создал Анатолий Гребнев в своих сти-

хах — образ Поля, который тоже проходит через всё творчество поэта.

Поле как основа жизни, как кормилец, как открытая арена бытия, на которой разыгрываются и исторические, и личные лирического героя, и бытовые, и трудовые, и любовные драмы, и радость, праздник.

Поле брани за независимость, за выживание и сохранение народа («На поле Куликовом»). Или в поэме «Бесмертник»:

*Поле русское, кровное полюшко.
Ты Бедой и Победой взойшло.*

Поле — как место и философского созерцания мира, место, где зарождалась, где формировалась жизнь.

Поле в поэзии Анатолия Гребнева — это философский образ, рождённый высоким крестьянским происхождением поэта. Образ, с которым прочно связано мировоззрение той части народа, которую величают крестьянством, которое всегда было главной опорой христианства на Руси, опорой державы. И значит неспроста Мальчик-то бежит по Полю, которому тысячи лет...

Такое масштабное и ёмкое полотно достойно-созвучно былинной кисти великого художника Виктора Михайловича Васнецова. Они родом, стоит заметить, оба вятские — земляки.

*Публикуется с сокращениями.
Полная версия в альманахе
«Литературная Пермь» № 28, 2021*

ЗАДЕВАЯ ЗА ЛИСТЯ И ЗВЁЗДЫ...

*Плач ли птахи какой-нибудь малой,
Звёзды ль шепчут, звенит ли роса,
Или чудятся мне из тумана
Всех Ушедших от нас Голоса...*

*...И вдыхаю я горькую роздымь,
И, обняв целый мир на ходу,
Задевая за Листья и Звёзды,
Между жизнью и смертью бреду...*

Именно так сказал «о времени и о себе» пермский поэт и врач, вятич по рождению, и русич по генам — Анатолий Гребнев, старейший по членству в Союзе писателей России Перми Великой — своего рода литературной табели о рангах Пермского края.

«Время — начинаем про Гребнева рассказ», именно так можно перефразировать Владимира Маяковского в связи с 80 ти летием появления Анатолия Григорьевича на Белый Свет, которое приходится на 21 марта 2021 года... И с этого момента можно «по-подробнее». Оказывается, у Анатолия Гребнева по жизни столько знаменательных совпадений, что все их смело можно перевести в ранг закономерностей о которых грех умалчивать — наступила пора обнародовать! Начнём с самой даты его рождения — он знаменательна, он родился во Всемирный день Поэзии! Правда, этот праздник изначально появился за три года до его рождения, 15 октября 1938 года в США, в день рождения поэта-римлянина Вергилия... но словно по волшебству в 1999 году этот праздник ЮНЕСКО перенесло на день рождения нашего теперешнего юбиляра, вятича-пермяка поэта Гребнева, хотя чему тут удивляться — «вятский народ хватский»... Да и причина-цель «списана» с гребневских принципов: «Большое внимание уделять роли поэзии для поддержания языкового разнообразия, сохранения исчезающих языков, а также объединения людей разных культур»!..

Но, и дальше «судьба-злодейка» не взяла паузу, а создала столько совпадений, что трудно даже все их перечислить: бери любые его «переплясы-перепевы» на выбор... Фамилия Гребнев произошла то ли от новгородского слова-понятия у ушкуников-пиратов — это «вперёд смотрящий на гребни волн» (а Новгород открыл Вятку), то ли от слова «гребень» у граблей, по Владимиру Далю — это снаряд с зубьями. И то и другое — это про Гребнева, про его характер и земную долю. Анатолий Гребнев — человек цельный и гармоничный и одновременно «гармонический» в прямом и переносном смысле этого слова. Настоящий поэт не может не «озвучивать» свои стихи, поэтому многие его стихи стали песнями, а сам он с 16 лет привязан к любимой подруге — вятской гармонии, неотъемлемому элементу его самовыражения. И здесь достаточно одного примера: судьба не могла не свести его с Геннадием Заволокиным, человеком — «играй гармонь», исполнителя

его песен, который написал и записал на диски две добрые дюжины песен на гребневские стихи. Началось всё с заволокинского ознакомительного вопроса-затравки, мол, пьёт ли Вятка пиво, на что был без промедления бумерангом прозвучало, что она и водку не отвергает! А продолжилось «Метельным вальсом»: «...Не ангелы в душу слетели, не к Богу душа поднялась — щемящим порывом метели ударил свиридовский вальс!». И: «Это что такое, братцы, — редко где огонь горит, «Не с кем стало и подраться», — друг мне в шутку говорит. И тоскует, и томится, на живой стремясь огонь, вымирающая птица — знаменитая гармонь»...

«Из всех искусств первое место удерживает за собой поэзия», — говорил даже философ-сухарь Эммануил Кант. Поэзия вне времени и территориальных границ, она проникает в сердца людей и задевает самые чувствительные струны, она обращается к нашим эмоциям. «Поэзия является свидетельством универсальности человеческого бытия за рамками бесчисленных используемых для его описания средств», — вторила Канту Одрэ Азуле, Генеральный директор ЮНЕСКО. Анатолий Гребнев своими стихами и своей гармонью лечит нашу душу, лечит в будни и в праздники. И тут не удивительно, что наш юбиляр по образованию врач-психотерапевт и лечит, говоря старым слогом — душевнобольных, лечит «без отрыва от производства» своего стихосложения. Слово и Дело у Гребнева всегда неразделимы.

Александр Твардовский в своём «Василии Тёркине» сказал: «Вот стихи, а всё понятно, всё на русском языке». Это тоже про Гребнева, и про Гребнева — «Я убит подо Ржевом... мы за Родину пали, но она спасена...» На тверской земле, защищая берега Волги в августе 1942 года погиб Григорий Гребнев, отец Анатолия Гребнева. «Когда косили рожь, отца скосила пуля разрывная». И мама поэта, вдовствуя почти полвека стала примером и музой сына, воспитав истинно русского поэта-лирика и поэта-бойца. «В восемнадцать ты — Лебедь-невеста, в тридцать лет ты — Кукушка-вдова». И известные стихи Олега Анофриева — это тоже про Гребнева и его род, отца Григория Александровича и маму Анну Антоновну, волжские Ржев и Сталинград:

*Какая ж песня без баяна?
Какая ж зорька без росы?
Какая Марья без Ивана?
Какая Волга без Руси?*

Если провести окружность в 450 километров на карте с центром в селе Чистополье Кировской области, местом рождения поэта Гребнева, то на этом окружном пути окажется и «однокоренной» камский Чистополь Татарстана и камская Пермь.

В Чистополе в эвакуации во время войны жили Леонид Леонов, Николай Асеев, Михаил Исаковский, Борис Пастернак, Арсений Тарковский, Марина

Цветаева и... 2-й московский часовой завод. Литераторы в 1942 году уехали, а часовой завод остался, став знаменитым «Востоком», хранителем времени. Но, Анатолий Гребнев выбрал другую судьбу — другой «часовой пояс» — Пермь. Здесь в 1965 году он закончил медицинский институт, здесь в поэтическом клубе института познакомился с вчерашним «чусовлянином» Виктором Астафьевым, прочитав ему своё стихотворение «Сенокос». Впоследствии литературный Чусовой занял особое место в сердце Гребнева, среди близких и дорогих ему чусовлян навсегда запали в душу помимо Астафьева Михаил Голубков и Валентин Курбатов. Впрочем, ничего удивительного — реки объединяют людей. А Чусовая, Кама и Волга — это реки одного и того же бассейна, реки-сёстры...

Но, не «хлебом единым» — жизнь Анатолия Гребнева обогатили и другие полюбившиеся ему «земли и люди» Сергей Есенин, Николай Рубцов, Валентин Распутин, Владимир Крупин, Иван Байгулов, Домнин и Домовитов, Василий Белов, Анатолий Заболоцкий, Алексей Решетов, а также... Синай, Байкал и Пушкиногорье.

Расширяя горизонты и глубину русского языка и «мотивируя» читателя Гребнев часто использует неологизмы и тайнопись Эзопа, он лирик и фольклорист, его стихи нередко несут элементы шуточной эротики. Но, его стих как сама жизнь целен, слитен и неразделим. В подтверждение этих слов можно легко сделать шуточное попури из его текстов:

«...Я гармонистом был когда-то. Гармонь, как раньше, разведу — в гробу мы видели, ребята, и горе наше, и беду!

Сон-трава колоколилась пышно... Ничего нет на свете милее безыдейного шелеста ржи! Самогонки залимоня — чтоб всё пело и цвело! По Ивановской с гармонью развернись, моё село!

Окна узорит мороз... Когда снегирь, сходя с ума, вдруг поцелуется с синицей... О, эта русская зима, в снега

упавшая Жар-птицей! Я не знаю, как у вас, а у нас, в Котельниче, если дома нет ребят — сделают на мельнице! Ой ты, любушка моя, чем ты недовольная? У нас мельница своя, своя и маслوبيнная!

Жизнь поставил на ребро... Будем дальше жить, ребята! Хватит плакать и стонать. Сроду не жили богато, значит, не хрен начинать!»

У Анатолия Гребнева не счесть наград разного достоинства, есть и прижизненная оценка его трудов в виде большой книги пермского писателя Виталия Богомолова «Вон парнишка бежит босиком...» Есть оценка и малой Родины, и она воздала «по делам и по вере его», Анатолий Гребнев — Почётный гражданин Котельничского района Кировской области, а в селе Чистополье родного Котельничского района, в его родительском доме сейчас музей памяти. Памятная надпись гласит, что из этого дома ушёл на фронт и погиб в боях за Волгу Григорий Александрович Гребнев. Трогательно и то, что текст дополнен словами — «в память о погибших одноклассниках Чистополя».

Врач Анатолий Гребнев знает хвори современного общества, поэт Анатолий Гребнев своим творчеством дарит нам своё знание оптимизма и надежду. Об этом говорит его попури из его стихов:

«Что может быть прекрасней доли: „Не на чужбине захиреть — среди праведовских раздолий родиться, жить и умереть...»

Я прошепчу святое имя, земным поклоном поклонюсь — У Купины Неопалимой Я за Россию помолюсь.

Верь, мой друг! Сатанинские силы завывают в бессилье пустом: „Не поставит им крест на Россию, если будет Россия с крестом! Во мгле утрат невыносимых, где зло царит и производ, объединяющий Россию, храни нас, Пушкинский глагол!“»

Владимир МАСЛЯНКА
Фотоколлаж автора

■ СЮБИНАЕМ!

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

С пермским поэтом Анатолием Гребневым я познакомился в 1977 году в Лысьве, во Дворце культуры металлургов, где в рамках Дней литературы Прикамья проходили встречи писателей с читателями.

Косая сажень в плечах, кудрявый, проникновенный доверительный голос — он как-то сразу расположил к себе моих земляков. А когда Анатолий Григорьевич с болью в сердце стал читать стихи о вымирающей русской деревне, меня, работавшего в ту пору корреспондентом сельхозотдела городской газеты «Искра», до нутра души разбередили его строчки из стихотворения о гармонии:

*Это что такое, братцы, —
Редко где огонь горит.
«Не с кем стало и подражаться», —
Друг мне в шутку говорит.*

*И тоскует, и томится,
На живой стремясь огонь, —
Вымирающая птица —
Знаменитая гармонь!*

Да, на моих глазах угасали колхозы, уходили в небытие неперспективные деревеньки... Об этом я тоже писал в газете.

Но как образно, через гармонь, в нескольких строчках Анатолий Гребнев раскрыл всю трагедию русской деревни. А с какой нежностью и трепетом поэт, родом из вятского села Чистополье, «листает» картинки своего детства:

*Туманом стекая по стенкам ведра,
Густое молозиво чиркает тонко.
Я грею телёнка, обняв, у костра.*

*И звездочку глажу на лбу у телёнка.
Курчавым сияньем исходит она —
Не в недрах Вселенной, а здесь рождена —
Мне звёздочка эта дороже небесной.
Она и потом, в суете городской,
Приснится с улыбкой, а может, с тоской,
До боли напомнив родимую местность.*

В мае 2007 года мне посчастливилось побывать в Вологде на Астафьевских Чтениях. В составе пермской делегации писателей и поэтов был и достойно её представлял Анатолий Григорьевич Гребнев. Были незабываемые встречи с вологодскими писателями и читателями, работавшими и дружившими с нашим известным земляком Виктором Петровичем Астафьевым.

...Бывало и после официальных встреч и мероприятий мы продолжали разговор о литературе, о поэзии.

Однажды вечером в одном из гостиничных номеров прошёл своего рода рыцарский турнир поэтов-трубадуров. Мы — Анатолий Гребнев, Виталий Богомолов и я — по очереди, не подглядывая в записи, читали свои лирические стихи, посвящённые женщине, любви, разлуке и верности. Уж очень нам хотелось блеснуть красноречием перед дамами из нашей делегации. Первым «выдохся» Виталий, вслед за ним и я. Бесспорным победителем поэтического турнира стал Анатолий Гребнев.

И неудивительно: во-первых, его искренние тёплые стихи о любви не могли оставить равнодушной ни одну из представительниц прекрасного пола, во-вторых, оказывается, он все свои стихи знает наизусть. Во память! Из того поединка мне особо запомнились такие его строчки:

*Ты, как ангел, встаёшь за плечами.
Ты вдали от меня. Мы вдвоём.
И сырые поленья печали
Занимаются в сердце моём.*

*И сгорают дотла. И в загнёт
Только угли надежды в золе.
Ничего, что тебя со мной нету.
Хорошо, что ты есть на земле!*

В ту же поездку от Анатолия Гребнева — а он ещё и увлекательный рассказчик! — услышал байку о медведе и гармонисте. Я зарифмовал её и посвятил нашему славному юбиляру:

*Шёл по лесу с гармонью Григорьич.
Вдруг навстречу Хозяин тайги —
Да матерый, пудов эдак сорок,
Хватит лапой — отбросишь коньки.*

*«Умирать, так уж с музыкой лучше...», —
И Григорьич меха растянул.
Наострил свои Мишенька уши:
— Хорошо ты играешь. А ну,
Про медведя, что ось нашу крутит,
Чтоб вращалась быстрее земля...
В кураже был Григорьич. И «Круто!»
Гармонисту Топтыгин сказал.
А когда музыкант с перебором
Пляску русскую выдал ему,
Заурчал Михаил и с задором
Закружился и... сел под сосну:
— Погоди, отдышись я немножко.
Ах, какая в душе благодать!
Разбереди меня ты гармошкой
Приходи к нам почаще играть.
Накажу всем зверям: с гармониста
Ни один волосок чтоб не пал.
Ну, спасибо за песни, дружище, —
И его... по-медвежи обнял.*

С днём рождения, дорогой Анатолий Григорьевич!

С надеждой услышать твою звонкую тальянку и на твоём вековом юбилее —

Геннадий ВЕРШИНИН,
Союз писателей России, Пермь

■ ВРЕМЯ

ЧУСОВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ — 70 ЛЕТ

«Каких только неожиданностей не приносит почта. Вот из зачуханного города Чусового Пермской области, стоящего на одной из красивейших рек Европы, воспетой Маминим-Сибиряком... откуда родом моя богданная жена, из города, где прошли наши послевоенные молодые годы и выросли дети, пришли необыкновенно острые и интересные заметки вместе с рисунком мною когда-то построенной избушки. Город Чусовой всегда отличался... потребностью в созидательном труде на предприятиях металлургии... И ещё этот город отличала непобедимая тяга к чтению и сочинительству, из него, этого городишка, вышло 10 членов СП, из чего я сделал вывод, что советский писатель лучше всего заводится в саже, в копоты и дыму... И всегда в этот город заезжали (или судьбой их заносило) интересные люди, чудики, непризнанные гении, и вились тут если и не тучей, то кружились выводки графоманов, музыкантов и изобретателей».

Именно так изложил своё признание в любви к своей малой литературной родине, уральскому городу Чусовому сибиряк и известный русский писатель Виктор Астафьев в своей затеси «Город гениев».

Время независимо от нас легендирует наш земной опыт, делая его первоисточником теперешних наших знаний. Июль 2020 года и январь 2021-го сделали легендой ещё двух «могикан» — героев астафьевского «Города гениев»: от нас ушли Евгений Родыгин и Юрий Ситнов, уральский «Василий Тёркин» и уральский «Страдивари». Фронтвик Родыгин написал музыку к более чем 100 советским песням, а изобретатель-музыкант Ситнов создал более 40 скрипок... Остаётся добавить, что автор «гениального Чусового» Виктор Астафьев по своей скромности умолчал, что сам «причастен» к славе Чусовграда, ведь, он хронологически замыкает тройку самых-самых «именитых» чусовлян всех времён: атаман и землепроходец Сибири Ермак Тимофеевич, Святой и первокреститель чусовских земель Трифон Вятский, писатель-фронтвик и советско-российский духовный «зрячий посох» Виктор Астафьев!

«Тернии» жизни у Астафьева связаны с ранней гибелью его матери Лидии Ильиничны, детдомовского детства с 7 лет, и далеко не «героических» фронтовых дорог. Но Божий дар помог ему разглядеть и увидеть среди терний звёзды: в детстве — учителя-филолога из Игарки Игнатия Рождественского, на войне — чусовлянку Марию Корякину, будущую спутницу его жизни... Преодоление жестоких военных и послевоенных тягот «народа Победителя» и желание самовыразиться у Астафьева на эту тему были сродни известному пушкинскому настрою в поддержке декабристов:

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадёт ваш скорбный труд
И дум высокое стремление...
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придёт желанная пора...*

Астафьевская «желанная пора» пора пришлось на 1 декабря 1950 года, пришла она в редакцию газеты «Чусовской рабочий», где на заседании первого литературного кружка собралось несколько десятков энтузиастов литературного творчества: металлурги, железнодорожники и ИТР. Многие были бывшими фронтовиками... Виктор Астафьев на этом заседании оказался «в ударе»: он в знак не согласия с военным рассказом Ивана Реутова «Встреча» взял обязательство написать о войне совсем не так, как у этого автора и не так, как говорили о войне с «высоких трибун». Сказано — сделано: в ту же ночь, не дожидаясь следующей встречи «кружковцев» в редакции, Астафьев создал своего первенца — рассказ «Гражданский человек». Написал он его прямо в вахтенном журнале (иной бумаги не было, а эмоций — через край) колбасного завода, где подрабатывал ночным дежурным. Так, среди учётных данных о поступлении говяжьих и свиных туш появилась первая астафьевская «затесь» о войне, где военным героем был гражданский человек! Понятно, что поутру начальник цеха не был согласен с этой астафьевской «сентенцией» о войне и, ещё больше — с порчей «колбасного» журнала!

Так или иначе, но 15 декабря 1950 года на втором заседании литературного кружка Астафьев отчитался о выполнении своего обязательства, про-

читав свой первый рассказ. А через 84 дня, уже в следующем, 1951 году рассказ высоко оценил и сам учредитель литературного кружка — газета «Чусовской рабочий», которая напечатала его в семи своих номерах: с 25 февраля по 13 марта. Яркую оценку рассказу дали и сами читатели: они стали волноваться и звонить в редакцию, когда публикация рассказа по «техническим причинам» вдруг прекратилась в самой её середине. В 1958-м Виктор Астафьев принял в Союза писателей РСФСР, первым редактором у него стала Клавдия Рождественская: получилось так, что сама судьба вновь «отметила-выделила» писателя — однофамильцы Рождественские стали кто первым учителем филологом, а кто первым литературным редактором. Она же, судьба, распорядилась, чтобы «Гражданский человек» вышел отдельной книгой уже под названием «Сибиряк» только в 1959 году, через много лет после других ранних астафьевских книг. Судьба, вообще, понятие загадочное: сибиряк Астафьев и его рассказ стали первенцами чусовской литературы, открыв дорогу в литературу другим чусовским энтузиастам, но, парадоксально и другое — из дюжины чусовских членов Союза писателей, Астафьев до сих пор остался единственным из них, кто был зачислен в эту «табель о рангах» живя в Чусовом. Все остальные были приняты в Союз уже «оперившись» и покинув родные «пенаты». Не стала исключением даже «богоданная жена» Астафьева, Мария Корякина-Астафьева, которая удостоилась этой чести через 20 лет после мужа — в 1978 году — живя с ним уже в Вологде!

Владимир МАСЛЯНКА
Фотоколлаж автора

6 марта сего года не стало известного российского литературного критика и писателя, нашего земляка-чусовлянина Валентина Яковлевича Курбатова. Уход его из жизни был неожиданным и скоростным, и до сих пор не осознается несправедливости этого события. Многие чусовляне считали его своим земляком, также как и его коллегу, другого нашего земляка — литературного исполнителя России Виктора Астафьева... Не отрицал свою любовь к Чусовому и сам Валентин Яковлевич, покоряя всех нас удивительной памятью, знанием деталей послевоенной жизни Чусового и необычно яркой образной речью...

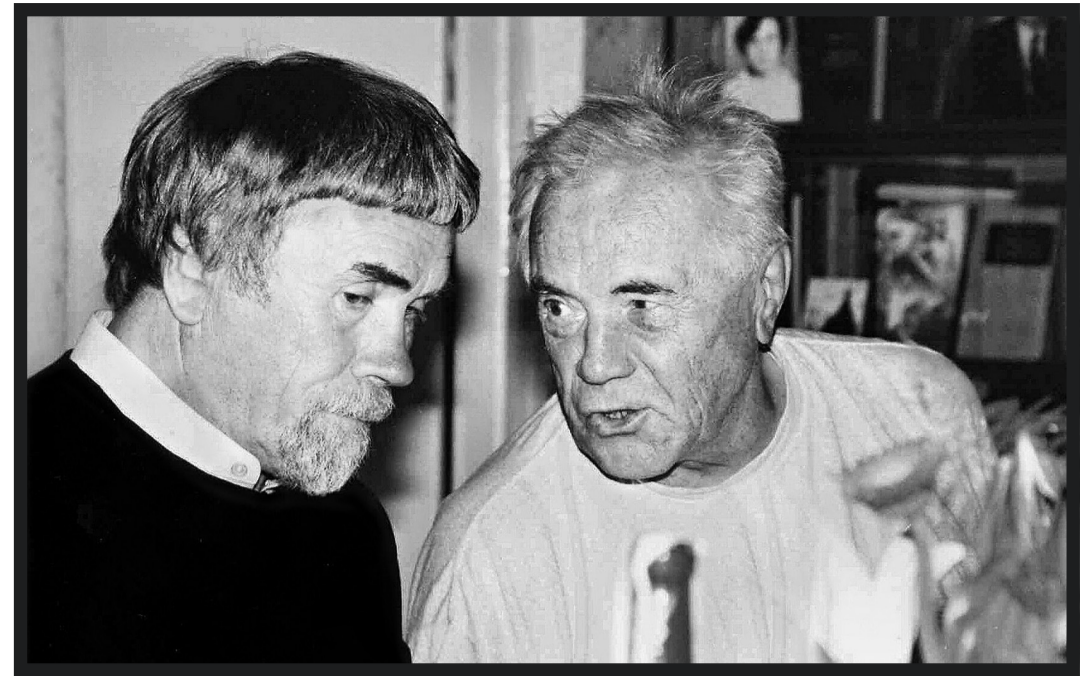
Валентин Курбатов прожил в Чусовом 14 лет детства и юности, но всю оставшуюся жизнь был верен городу, помнил одноклассников, друзей и знакомых, был частым гостем «именистого» чусовлянина Леонарда Постникова... В каждый свой приезд он встречался с читателями в стенах своей первой библиотеки — чусовской «Пушкинки», посещал Дом-музей В. П. Астафьева, гулял по улицам детства, взбирался на крутые берега Чусовой, окунался в студённую воду Усьвы и Вильвы... Именно этой курбатовской любви к городу Ермака и Астафьева была посвящена статья в пермской краевой газете «Звезда» в 2019 году, сокращённый вариант которой предлагается вниманию Читателя.

25-Й КАДР ВАЛЕНТИНА КУРБАТОВА

29 сентября 2019 года исполнилось 80 лет чусовлянину и псковитянину Валентину Яковлевичу Курбатову, одному из последних российских литературных Могикан XX века, члену Союза писателей России, лауреату многочисленных литературных премий, члену Совета по культуре при Президенте России (и прочая, и прочая), человеку разностороннему и по ширине-глубине талантов-интересов и по редкому их содружеству в одном человеке — два в одном — он и критик и писатель одновременно... Труды его широко известны и профессионалам-литераторам и продвинутому Читателю. Курбатов автор десятков ярких книг, посвящённых классикам русской литературы и культуры, и более полусотни вступлений-размышлений к книгам своих современников, многих из которых он знал не по наслышке. Среди его героев Александр Пушкин и пушкинский «домовой» Семён Гейченко, Виктор Астафьев и

Валентин Распутин, Евгений Широков и Леонард Постников... Многие знают и другого Курбатова — книгодея и златоуста. Сколько ни говоришь ему, не переговорить не переслушать его, мало кому удалось так ярко-образно рассказать-объяснить нашу литературную жизнь и так искусно провести-вывести из её лабиринтов. Это и не мудрено, ведь его Слово — и художник, и лекарь и проводник... В этом совсем-совсем не трудном убедить — он участник и герой многих российских «культурных» телефильмов и передач... И всё же, этот рассказ-повествование не совсем обычен — он о «25-м (скрытом) кадре» Валентина Курбатова — о неизвестном Курбатове, выпускнике ВГИКа, киноведе — создателе «авторского кино» про свою малую Родину — «город гениев», Чусовой 40–50-х XX века.

В то время, зарождался литературный Чусовой, кроме самого Курбатова только-только начинали проклё-

Задумчивая беседа. Валентин Курбатов и Виктор Астафьев. Фото: А. Маслянка

вываться таланты Виктора Астафьева, Марии Корякиной, Олега Селянкина, Михаила Голубкова — 6 из 9 будущих членов СП России, связанных с Чусовым. Именно об этом периоде города рассказывают курбатовские «университеты» — короткие рассказы-очерки «Дёма, в истории» и «Возвращение»...

Все мы родом из детства. С Чусовым Курбатова, как и Астафьева, свели послевоенные годы, только прожил он здесь на 4 года меньше, всего 14 лет, но это были годы его детства и отрочества... Удивительно, но у Курбатова-подростка, и у Астафьева-взрослого Чусовой середины XX века навсегда запал в душу и сердце и стал той отметиной-«наколкой» судьбы, которую уже никогда не вытравивши, это осталось навсегда. Может, потому, что тогдашняя жизнь, с её жёстким режимом кислородного голодания, закалила их судьбы, также, как это происходит с организмом спортсмена, при недостатке О-два. А может потому, что мир был и всегда бу-

дет многомерным: и жестокий Чусовой 1940–50-х фронтовика Астафьева и беспечно-весёлый Чусовой 1940–50-х юного отрока Курбатова, столь непохожие друг на друга, всего лишь две части одной и той же правды: они существовали одновременно на сцене жизни, но были высвечены порознь разными «прожекторами» (терминология Курбатова)... К слову, известные повести «Отец» Марии Корякиной и «Весёлый солдат» Виктора Астафьева содержат также немало страниц той же недавней чусовской истории...

Рассказы-очерки Валентина Курбатова «Дома, в истории» и «Возвращение» также как маленькая капля воды отражает свойства целого океана, тоже ярко показывают детство-становление человека, города, страны, приметы прошлого и настоящего...

Курбатов заведомо лукавит-упрощает в них говоря: «Ну, в общем, детство как детство. Тут что ни расскажи, всё будет, как у всех... Лупим в городки, в чиж, в пристенок, садим из поджигов, закапываем банки с

карбидом, чтобы они взлетали выше крыши, таскаем „рощеников“ из уборной для рыбалки на щеклю». Но, далее он же словно взрослеет: «...Было счастьем читать по школьному радио выпуск „новостей“, потому что я был „артист“... Мне нравилось общее чтение после уроков... Оставались в классе и просто читали вслух... Может быть, после этого я полюбил школьную библиотеку. И раз взял и прочитал подряд десять томов Горького. А потом взялся за Тургенева и был потрясён „Асей“ и „Кларой Миллич“, которые и сейчас перечитывать боюсь... Я занимался по очереди в авиамодельном, потом акробатическом, потом танцевальном и, наконец, остановился на драматическом кружке. Его вела старая гречанка — Клара Финоговновна Мартинелли и это придавало кружку особенное очарование (ведь в Мартинелли можно было услышать кардинала Монтанелли из жадно читаемого тогда «Овода» Э.-Л. Войнич)...»

Есть и очень грустные курбатовские совсем взрослые строки-нотки про утраченное уже навсегда и в жизни города, и в жизни страны: «Железная лестница с горы к заводу (где она теперь?) в утренний час полна народу, и особенно хорошо бежать по ней в редкие морозы за 40, когда смерзаются глаза, в носу щиплет и дышать надо коротко и мелко. Лестница гудит и опалает удвоенной стынью, и вы все вместе на этой лестнице — народ, рабочий класс. И это, скажу я вам, — состояние из дорогих, а теперь уже и неведомых».

И всё же Вера, Надежда и Любовь звучит в эпилоге-итоге этого курбатовского исторического повествования — «25-м кадре», гимне Чусовому: «...Сто лет, которые прожил Чусовой, — это возраст одного сердца, а история — это дорогие страницы автобиографии, для каждого разные, но вместе составляющие большую и при неизбежной горечи трудных лет прекрасную судьбу маленького рабочего русского города, каких не счесть по родной земле».

Владимир МАСЛЯНКА,
Альмира КАДАПОЛЬЦЕВА
Фотоколлаж: Владимир Маслянка

■ РОДИНА

Анатолий ГРЕБНЕВ
Союз писателей России,
г. Пермь

ПОРТРЕТ ВОЕННЫЙ...

СТИХИ О ДЯДЕ НИКОЛАЕ

Изба живая — хоть и нежилая —
Есть где на праздник встретиться родне.
Портрет военный дяди Николая
С простенка смотрит прямо в душу мне.

И я душою с ним переглянулся,
Входя в его солдатскую судьбу:
В июне сорок первого вернулся
Он всех счастливей в отчую избу!

Ещё бы! Он, как есть, солдатской службы —
Действительной — три года отрубил.
И ничего ему теперь не нужно,
Кроме того, что с детства он любил.

В луга, в луга! — Где разгулялась юность!
В луга, в луга — где перезвоны кос.
Где, как всегда, с двадцатого июня
Бушует, словно праздник, сенокос.

Забудь, боец, армейские уставы
И вспоминай, как трактор ты водил —
«Гремя огнём, сверкая блеском стали!..»
— И лучший маршал — Федька-бригадир!..

Эх, грянул гром за дальним перелеском —
Прощайте, сенокосные луга!
И с первой военкомовской повесткой
Отправился мой дядя бить врага.

Но вскорости — меж бедами другими
С бедой попробуй свыкнуться такой:
Пришла бумага — «Без вести загинул...» —
Вот и гадай — убит или живой.

... После войны уж, выйдя из тюрьги,
Его однополчанин — разумеи! —
Поведал нам за кружкой крепкой браги
О дядиной судьбе и о своей.

Рассказ о дяде был с польнуью смешан:
В том сорок первом проклятом году
Он трижды убежал и был повешен
В концлагере у прочих на виду.

Давным-давно уж сёстры под крестами.
Но об одном их слёзоньки лились:
— Эх, жалко роду Коля не оставил...
Жаль, детки от него не завелись...

Валерию Фокину

Совсем немного — семь десятков! —
Ещё силен строки напор,
Ещё бурлит на стрезне Вятка,
Ещё поёт Разбойный бор!

Ты Вятку укрощал не слабо,
О красоте её трубя.
Она ж, как взбалмошная баба,
Чуть не угробила тебя.

Но вятским ты рождён недаром!
И — руку дай тебе пожать —
Судьбы внезапные удары
Ты можешь, как никто, держать.

Не каждый может, жизнью битый,
Сбежать, на Слово опершись,
Из окостылевшего быта
В неопостылевшую жизнь!

А там, где ты со мною шла
С такой весёлою размахкой —
Там вся дорога заросла
И васильками, и ромашкой.

Она кипит передо мной,
Под ветром
с шелестом и пеньем,
Сверкая синей глубиной,
Струится речкой белопенной...

Нет, ты не будешь рвать букет,
На лепестках гадать не будешь.
Что было
И чего уж нет —
И так до смерти не забудешь.

Как мы друг друга полюбили?
Мгновений тех не уследить.
Но не проходит то, что было
Да и не хочет проходить.

Не хочет стать пустыми снами
В любой житейский поворот.
Всё то, что есть и было с нами
Уже никто не отберёт.

Неужели он как прежде,
Нараспашку предо мной
В луговом крутобережье
Левый берег мой родной?

Я, как в детстве, к Пижме-речке
Сходу выйду на моё
Заповедное местечко,
Где клевало окуньё!

Вьёт воронки омутище
Под покровом ивняка.
Зря, товарищ, здесь мы ищем
Удалого паренька.

Погляди-ка, он, рисковый,
Напрямик летит домой
С удилещем вересковым,
С полной рыбной сумой.

Как хозяин, не иначе,
Ступит он через порог:
— Мам! Смотри, я нарыбачил
На уху и на пирог.

Об отце моём солдате
Мать опять всплакнёт тайком...
Слава Богу, был когда-то,
Был я этим пареньком!

И СЛОВО ТВОЁ ОТЗОВЁТСЯ

Светлане Сырневой, поэту

Польнуную правду души,
Что в муках, безвестная, рвётся
Небесным пером запиши —
И Слово твоё отзовётся.

И Слово в объятых строки
Все души, обняв, зазвучало
Всей силой вселенской тоски,
Любви, растворённой в печали!

Что ж, будь благодарна судьбе,
Как тяжело бы ни приходилось:
Единственной только тебе
Такая дарована милость.

Дорогие друзья — писатели, читатели, пермяки, соотечественники — 21 марта у нас праздник! Мы чествуем нашего друга. От всей души, всем сердцем поздравляем русского поэта Анатолия Григорьевича Гребнева с юбилейным днём рождения!

Певец русского народа, деревенской глубинки России, доподлинно показывающий нам труженика, героя, неоглядную красоту России, бесконечную женскую красоту и любовь, которая «сильнее и жизни, и смерти»... От туманных седин Куликова поля до наших дней.

Анатолий Григорьевич вводит пермскую литературу в ведущий ряд современных российских писателей. Своим творчеством, личностью, дружбой соединяет нас с классиками советской эры нашего Отечества: с Валентином Распутиным, Василием Беловым, Алексеем Решетовым, Владимиром Радкевичем, Львом Давыдычевым, Анатолием Передревым...

Дорогой Анатолий Григорьевич, сердечно поздравляем Вас с днём рождения! От всей души желаем Вам крепкого здоровья, с нетерпением ждём от Вас новых произведений!

Душевно преданные Вам пермские писатели

Дорогой Анатолий Григорьевич!

Пермское отделение Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России», пермские художники сердечно поздравляют Вас с юбилеем!

Примите самые теплые пожелания радости творчества, вдохновения и крепкого здоровья! С благодарностью заинтересованного читателя ждём новых лирических строк и ярких поэтических открытий! Мы искренне ценим и горячо приветствуем дар дружбы с БОЛЬШИМ РУССКИМ ПОЭТОМ Анатолием Григорьевичем Гребневым! Спасибо, что связали свою творческую судьбу с Пермью и пермяками, что вдохновенно делитесь своим духовным опытом, поэтическим даром, укрепляете в нас веру в силу искусства!

Самых смелых мечтаний и планов! Пусть этот юбилейный год будет для Вас годом новых творческих поисков, которые подарят нам возможность вновь прикоснуться к высокой поэзии Анатолия Гребнева!

Ваши строки, посвящённые художникам, сегодня звучат гимном творческой дружбы и духовного единения наших творческих Союзов!

*Мы чтим великие заветы —
Они начало всех начал:
«Любите живопись, поэты!» —
Нам Заболоцкий завещал.*

*Не зря, подвластно вдохновенью,
Веков пронизывает прах,
Запечатлённое мгновенье
В бессмертном слове и холстах.*

*Елена Аркадьевна Постнова,
председатель Пермского отделения ВТОО «Союз художников России»*

Анатолий Григорьевич Гребнев. Вятский колокольчик, воспевавший красоту и ранимость вятской деревенской природы. Такой человек должен был родиться в особенный день. И вот в 1999 году именно 21 марта провозгласили Всемирным днём поэзии.

Анатолий Григорьевич! Примите самые искренние поздравления в день Вашего юбилея! Живите долго, не болейте, и радуйте нас своими чудесными, живыми и искренними стихотворениями!

*Снова март. Отшумела метель.
Песня зимняя, кажется, спета.
И играет на солнце капель,
Привлекая вниманье поэта.*

*И снегирь, совершая облёт,
Сел на веточку, словно играя,
Он с собою поэта зовет,
С юбилеем его поздравляя.*

*Солнце шлёт поздравленья свои,
Обнимая поэта игриво
За окошком с утра воробьи
Расширились шаловливо.*

*Песня птиц, словно песня любви,
Пусть не слышно там нот соловьиных.
Эти звуки — признанья земли —
Малой родины, сердцем любимой.*

*Елена Чучалина и уважающий Вас коллектив
Кильмезской детской библиотеки!*

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Пермская краевая общественная организация Союза писателей России Газета «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 59-0576 от 26.08.2011. ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР — В. В. Якушев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. А. Богомолов — отдел прозы
А. Г. Гребнев — отдел поэзии
А. С. Зеленин — отдел детской литературы
И. Н. Тюленев — отдел международных связей
Ответственный секретарь — А. С. Зеленин
Верстка — С. Э. Неведомская

АДРЕС РЕДАКЦИИ / ИЗДАТЕЛЯ:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя.
Телефоны: 8 (342) 212 14 97, 212 43 28.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» № 1 (39), 2021 г.
Подписано в печать 22.03.2021. По графику: 16.00. Фактически: 16.00.
Заказ № 318. Тираж 1000 экз. Газета отпечатана в ООО «ЛИТЕРА», 614540, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

*Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Все материалы принимаются в электронном виде.*

Газета распространяется бесплатно.